

значительный рост населения, причины которого традиция приписывает пришествию дорийцев (авторы же не считают такое объяснение исчерпывающим – с.117). Большой раздел данной главы посвящен изменениям, приведшим к становлению полиса. Авторы рассматривают условия, необходимые для его зарождения (с. 118–120), и приходят к выводу, что все они были в наличии в Коринфе к концу «Темных веков».

Глава VI «Аскра: конечный продукт "Темных веков"». Аскра привлекла внимание авторов по двум причинам: она является родиной Гесиода и благодаря этому имеется синхронная информация самых ранних письменных источников, а кроме того она представляет собой тот тип поселения, который не развился в настоящий полис². Следуя строго заданной схеме изложения, авторы останавливаются на локализации Аскры – у подножия восточного склона холма Пиргаки (с. 146), анализируют и сопоставляют археологический материал с данными письменной традиции, пытаются установить численность населения в рассматриваемый период (с. 147), исследуют социально-политическое развитие (насколько это возможно), выявляют особенности данного поселения.

Сама Аскра не имеет «микенских корней», и жизнь на поселении прослеживается с XI в. до н.э., хотя на вершине холма зафиксированы остатки микенского времени (с. 158). Отличительной чертой является то, что жилища рассеяны по территории поселения, не образуя кластеров вокруг одного более крупного сооружения, что свидетельствует о большей безопасности по сравнению с ситуацией в «Темные века» (с. 159). Аскра являет собой пример общины, находящейся на полпути от простого поселения «Темных веков» типа Нихории к более сложному организму – архаическому полису типа Коринфа (с. 148). По мнению авторов, Аскра не просто итог развития, символизируемого Микенами, Нихорией, Афинами, Лефканди и Коринфом, а также и пример того разнообразия и индивидуальности развития, которые характерны для этого процесса наряду с общими тенденциями, затронувшими Грецию (с. 160–161).

Рецензируемая монография представляет собой интересное исследование, поскольку авторам удалось нарисовать целостную картину развития греческого полиса на ранних этапах, проследить возможные пути развития различных типов ранних общин с использованием всего комплекса имеющихся источников и с учетом последних данных археологии.

Е.И. Соломатина

© 2001 г.

MARTIN OSTWALD. Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000 (Historia: Einzelschriften, Ht 144). 96 S.

Недавно изданная работа Мартина Оствальда, одного из наиболее известных американских специалистов по социальной истории, идеологии и праву классической Греции, состоит из предисловия, введения, библиографии, указателей, а также пяти основных глав. «Задача этого исследования – определить место олигархии среди признанных греками форм государственного устройства» (с. 11).

В главе первой «Типы государственного устройства: ранние классификации» (с. 13–20) автор сопоставляет греческие и восточные типы государственного устройства, подчеркивая уникальность греческой трехчастной схемы (демократия–олигархия / аристократия–монархия). Автор считает, что дебаты о государственном устройстве Персии у Геродота (III. 80–82) имеют под собой некоторые исторические основания. Тем не менее безусловная легитимность царской власти на Востоке препятствовала возникновению там иных, кроме монархической, форм правления.

² В данном случае авторы разделяют мнение А. Снодграсса, считавшего, что в период становления полисов существовали также и другие типы поселений и государственных образований, названные им «этносами», которые не знали истинных полисов (*Snodgrass A.M. Archaic Greece: The Age of Experiment. L., 1980. P. 42–47.*)

Глава вторая «Правление немногих и идеология» (с. 21–30) посвящена возникновению олигархической идеологии. По мнению М. Оствальда, «к середине V в. ὀλιγαρχία (олигархия) воспринималась как обычный термин для обозначения правления немногих» (с. 23). Наибольшее внимание автор уделяет анализу труда Фукидида, а также псевдо-ксенофоновой «Афинской политики». Интересен анализ политической борьбы на Керкире.

В главе третьей «Философская переоценка: Платон» (с. 31–35) рассматриваются политические взгляды знаменитого философа. По мнению автора, Платон отверг трехчастную схему типов государственного устройства; для него большее значение имела степень подготовленности государственного деятеля (с. 33). Отношение философа к власти немногих несколько отличается в разных диалогах, у него нет четкой терминологии: в диалоге «Политик» олигархия, как и аристократия, – это власть немногих, к которой философ относится положительно, но в «Государстве» олигархия – это власть богатых (с. 34).

В главе четвертой «Теория и практика: Аристотель» (с. 37–40) автор стремится показать, что Аристотель в отличие от Платона больше внимания обращал на проблему собственности. По мнению Аристотеля, влияние имущественных различий приводит к переходу от аристократии к «хорошей» олигархии. Собственность для Аристотеля – безусловно «знаковый» и положительный момент.

Более половины основной части книги занимает пятая глава «Олигархический гражданин у Аристотеля» (с. 41–75). Сначала М. Оствальд останавливается на месте олигархии в схеме Аристотеля. Великий философ пытается уйти от «количественного» принципа (власть одного, немногих, большинства) при определении формы государственного устройства, рассматривая олигархию как власть состоятельных граждан. При этом обладание собственностью должно быть, в конце концов, подчинено интересам всего гражданского коллектива: философ выступает как против чрезмерных имущественных различий (приводя в пример современную ему Спарту), так и против имущественного равенства, критикуя платоновский «коммунизм» (с. 46–47). По мнению автора, для Аристотеля понятия «состоятельный» (εὖπορος) и «неимущий» (ἄπορος) относятся прежде всего к материальной сфере, но в отличие от пары богач/бедняк (πλούσιος/πέννης) имеют «демонстрационный» оттенок, показывая связь имущественного и социального положения гражданина. То же самое можно сказать и об общих понятиях εὖπορα/ἀπορα, которые философ использует для характеристики различных полисов (с. 54–55). М. Оствальд полагает, что «обладание собственностью является основой для всех четырех типов олигархии, которые признает Аристотель» (с. 73).

Эта книга может служить своеобразным дополнением к фундаментальному труду М. Оствальда, посвященному афинскому обществу классического периода¹, дополнением, в котором упор делается не на свойственную Афинам олигархию. Выводы автора фундаментальны и достаточно традиционны. Вопреки многим современным исследователям он отстаивает, причем весьма обоснованно, оригинальность пути политического развития древнегреческих полисов.

С.Г. Карлюк

© 2001 г.

J.C. MERDINGER. *Rome and the African Church in the Time of Augustine*. New Haven – London, 1997

К истории раннего христианства, вопросам формирования и развития церковной организации отечественная историография обратилась достаточно давно. Уже в дореволюционный период выходят исследования по проблемам античной церкви, где в частности рассматриваются и взаимоотношения между римским и африканским престолом, подчеркивается независимость африканской церкви, ее дружеское расположение к Риму¹.

Основной акцент в советской исторической науке делался на изучение проблем пер-

¹ Ostwald M. *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of the Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley, 1986.

¹ См., например: *Извеков Н.Д.* Иерархия Северо-Африканской церкви. Вильно, 1884.